

Увертюра

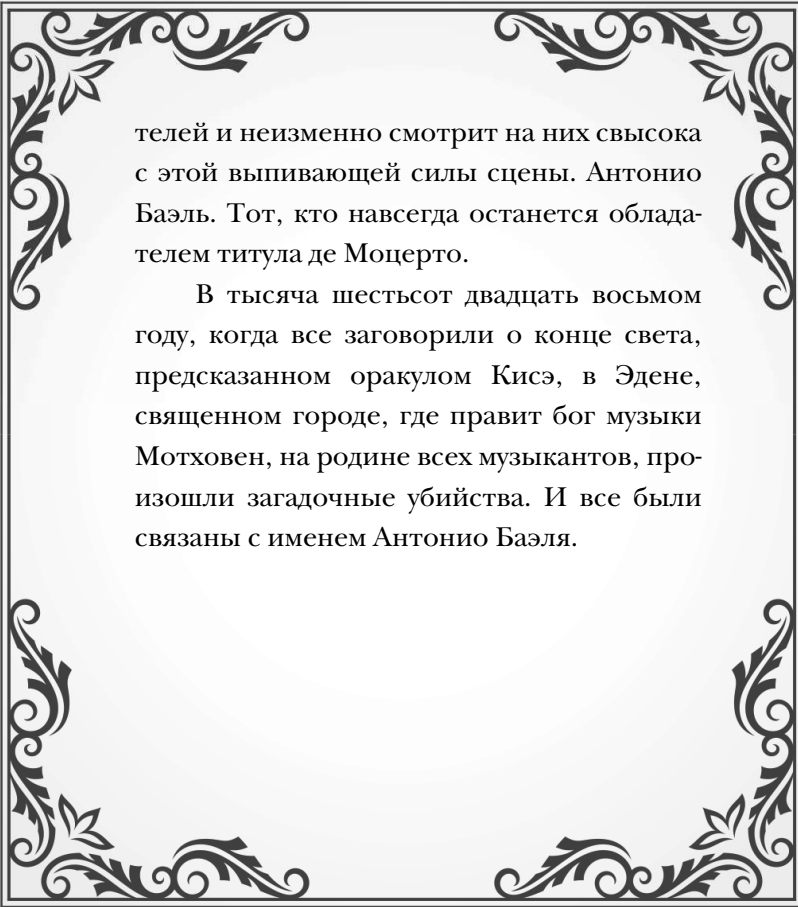
Над городом величественно возвышается Канон-холл, а вдалеке, за его могучей спиной, притаился Ледяной лес.

В партере концертного зала пятьсот мест отводится для почетных гостей. В бенеуаре тянутся ряды деревянных кресел, по восемьсот с каждой стороны, а на пяти балконных ярусах размещается еще пятьсот кресел.

От великолепия сцены Канон-холла у музыкантов во время репетиций перехватывает дыхание, а в дни показательных выступлений, когда зал полон, у молодых артистов в жилах стынет кровь.

На сцене Канон-холла даже маэстро испытывают трепет, будто выступают в первый раз. Здесь каждый артист словно проходит отбор под прицелом холодных взглядов аристократов города музыки.

Лишь один исполнитель не считает ценителем никого из distinguished зри-

A decorative border with four ornate floral corner pieces, each featuring a central flower and swirling leaves, framing the text.

телей и неизменно смотрит на них свысока с этой выпивающей силы сцены. Антонио Баэль. Тот, кто навсегда останется обладателем титула де Моцерто.

В тысяча шестьсот двадцать восьмом году, когда все заговорили о конце света, предсказанном оракулом Кисэ, в Эдене, священном городе, где правит бог музыки Мотховен, на родине всех музыкантов, произошли загадочные убийства. И все были связаны с именем Антонио Баэля.

Глава 00
Здесь, в Эдене,
царит вечная зима

*Словно струны, тянутся заиндевевые веточки вверх,
тишиной управляет незримый дирижер.
В этом месте поет студеньный белый ветер,
здесь, в Ледяном лесу.*

В последний день тысяча шестьсот двадцать восьмого года музыканты-пасграно безмолвствовали. Предсказание о конце света стало для них полной неожиданностью. Преданные поклонники Кисэ, пасграно безоговорочно поверили словам оракула и решили до последнего вздоха принадлежать музыке. Однако прошел день, вступил в свои права вечер, а они так и не собрались, чтобы сыграть напоследок.

Можно ли прощаться с родными и близкими в тишине? Думаю, пасграно, уверовавшие в скорый конец, так и сделали.

Музыканты-мартино, напротив, провели несколько общих собраний, на которых вовсю поиздевались над легковерными пасграно. Они пили, смеялись и обсуждали интриги Кисэ. Иногда издалека доносились звуки музыки, прерываемые грубыми возгласами мар-

Ха Чын

тино: «Долой скучную классику, сыграй что-нибудь поживее!»

Я сделал вид, что не слышу, как они зовут меня пьяными голосами, и продолжил свой путь в салон госпожи Капир. Сегодня даже в ее доме, где раньше дни напролет играла музыка, было тихо.

Хозяйка встретила меня, провела в гостиную и усадила на стул, не сказав ни слова. Я тоже молчал. Вокруг стояла гробовая тишина, которую никто из нас не смел нарушить. Так же молча мы встали. Прощаясь со мной в дверях, госпожа Капир с трудом сдерживала слезы, закрыв лицо руками. Мне было тяжело видеть ее в таком состоянии, и я тут же вышел. На улице мне то и дело попадались пьяные мартино и мрачные, похожие на тени, молчаливые пасгрانو. Забавно: столько артистов — и ни единой мелодии. Последний день тысяча шестьсот двадцать восьмого года выдался поистине загадочным.

Лишь один музыкант давал в тот вечер концерт.

АНТОНИО БАЭЛЬ,

*бессменный обладатель
титула де Моцерто.*

Последний концерт
Канон-холл, 19:00

Ледяной лес

Простую, без изысков, афишу повесили всего три дня назад, но, по слухам, все билеты уже были распроданы. Я потянул бумагу за край и стал отрывать ее по частям. Вот порвалось имя, затем исчезло и название концертного зала — на стене осталось лишь слово «последний». На это ты, Коя, повлиять уже никак не сможешь.

Я закрыл лицо ладонями и стал давить на веки, пока перед глазами не заплясали разноцветные мушки. Наверняка теперь не только пальцы, но и лицо перепачкано дешевой типографской краской. В таком виде я и отправился в Канон-холл.

Ренар Канон, владелец концертного зала, встретил меня на входе и, как обычно, предложил сопроводить в артистическую. В ответ я лишь покачал головой. Он посмотрел на меня с удивлением, но, к счастью, ничего не спросил. Я прошел в бенуар, занял свободное кресло и устремил взгляд на сцену.

В воздухе витало предвкушение, атмосфера накалялась. И вот перед публикой появился тот, кого все ждали. Однако выглядел Баэль довольно необычно: он был не во фраке, а в простом дорожном плаще. Зрители перешептывались, но, как только музыкант поднял руку, сжимающую Аврору, в зале стало тихо.

— Все дело именно в ней, — с горечью пробормotal я.

А ведь знаменитая скрипка — это всего лишь инструмент, пусть и созданный из истлевшей древесины,

Ха Чынн

изуродованной языками пламени. Хрупкая, она, казалось, могла рассыпаться от одного прикосновения, но Аврора ничуть не уступала другим скрипкам в прочности. Именно таков был замысел ее создателя Джея Канона — основателя Канон-холла.

Никто, даже истинные мастера своего дела, не знал наверняка, из чего сделана скрипка. Кто-то говорил, что она изготовлена из оливкового дерева особого сорта, в которое ударила молния, кто-то — что из диковинного растения, которое Джей Канон вырастил сам.

Именно от неизвестного материала скрипка и унаследовала свой удивительный пепельно-сизый, почти белый цвет. Сероватый оттенок, в котором, казалось, все еще отражаются языки пламени, чуть не уничтожившие скрипку, и подарил ей имя Аврора.

Что же ты исполнишь нам сегодня, Баэль?

Он молча поднял скрипку и аккуратно, словно обнял младенца, поднес к груди. И в этот момент выражение его лица изменилось: пропала нежность, теперь в его чертах сквозила чувственность. Он прижал подбородок к деке и закрыл глаза.

Каждый раз, наблюдая за ним, я чувствовал, как мои щеки начинают гореть, будто я стал свидетелем тайных ласк двух влюбленных.

Баэль без промедления начал играть, хотя обычно он долго настраивал инструмент, нежно водя смычком по струнам. Иногда я подшучивал над Антонио, просил не устраивать подобных прелюдий на сцене.

Ледяной лес

Видимо, сегодня он решил начать как можно скорее, ведь конец света вот-вот должен был наступить.

В следующий миг я вздрогнул от испуга.

Зал наполнили звуки, совсем не похожие на музыку. Баэль хаотично водил смычком по струнам, словно издеваясь над Авророй. Зрители недоуменно переглядывались, но шум поднимать не спешили. Считая себя истинными ценителями музыки, уверенные, что любое исполнение маэстро, даже самое эксцентричное, несет в себе особый смысл, они силились понять молодого гения, уловить его задумку. Вся эта ситуация вызвала во мне отвращение.

Скрипка продолжала издавать демонические звуки, и до публики, кажется, стало доходить: что-то не так. Мне хотелось закричать Антонио: «Остановись!». Но когда зрители начали подниматься с мест и их недовольные возгласы смешались с воем скрипки, звучание вдруг изменилось. Теперь, как покаяние за нелепую выходку, в воздухе разливалась нежная мелодия, постепенно обволакивая публику, и та осознала, что в поведении артиста был определенный замысел.

На лице Баэля застыла легкая ухмылка, чарующая мелодия звучала сладкой насмешкой.

Когда зал окончательно затих, темп стал нарастать. Публика затаила дыхание от восторга. Смычок летал над струнами с поразительной скоростью — так умел играть лишь Антонио. Ритм усложнялся, зрители от восхищения забывали дышать. Кто-то начал зады-

хаться и хрипеть в борьбе за каждый глоток воздуха. Но гения, поглощенного игрой, уже ничто не могло остановить. Зрители пытались ослабить галстуки, хлопали себя по груди, дамы в панике расстегивали своим кавалерам воротнички.

Смычок все быстрее летал над струнами, накал возрастал, и зал забился в судорогах. Вдруг раздался громкий звук лопнувшей струны.

Кто-то вскрикнул, не в силах сдержать эмоции. Струна порвалась во время выступления! Как такое могло произойти в Канон-холле? Неужели Баэль, признанный музыкальный гений, бессменный обладатель титула де Моцерто, допустил ошибку?

Музыкант же как будто ничуть не смутился, ни единый мускул не дрогнул на его лице. Баэль продолжал играть на трех струнах. Скрипка издавала пленительные трели, темп нарастал. Удивительная по красоте мелодия поднималась на крещендо, но вдруг снова лопнула струна.

Только теперь зрители поняли, что ничто на сегодняшнем концерте не было случайностью. Они открывали рты в попытке сделать вдох, как рыбы, выброшенные на берег. Причудливая мелодия продолжала звучать, рождаемая скрипкой с двумя струнами. Когда она опять взлетела ввысь, лопнула еще одна струна, и зал наполнился гулом голосов.

Но музыка не прервалась – таинственная, пугающая и разрушительная. Мелодия повторялась снова,

Ледяной лес

и снова, и снова... Каждый ощущал ее нутром, однако уже никто не мог ее оценить... Тяжелое дыхание и дрожь наполнили зал.

«Раз в две недели Баэль подвергает людей мучениям, заставляет их опускаться в пучину сладкого греха в самом священном для них месте — Канон-холле. Как только мелодия достигает апогея, в глазах зрителей читается такое удовольствие, будто они достигли пика наслаждения» — так однажды сказал Тристан. Тоска по другу вспыхнула с новой силой, и по щекам потекли слезы.

Только когда порвалась последняя струна, демоническая мелодия смолкла и Баэль открыл глаза. Опустив руки — в одной искаленная Аврора, в другой смычок, — он пристально посмотрел в зрительный зал. А затем обратился к «истинным ценителям», обмякшим в своих креслах:

— Благодарю за внимание!

Склонил голову в почтительном поклоне и негромко добавил:

— Невежды.

И следом, как будто ничего особенного не произошло, он пожал плечами, обнял звенящую в тишине скрипку и покинул сцену. Никто не пытался его остановить, никто не хлопал — зал застыл в оцепенении.

Таким было последнее выступление Антонио Баэля, бессменного обладателя титула де Моцерто. Тогда я видел его в последний раз.